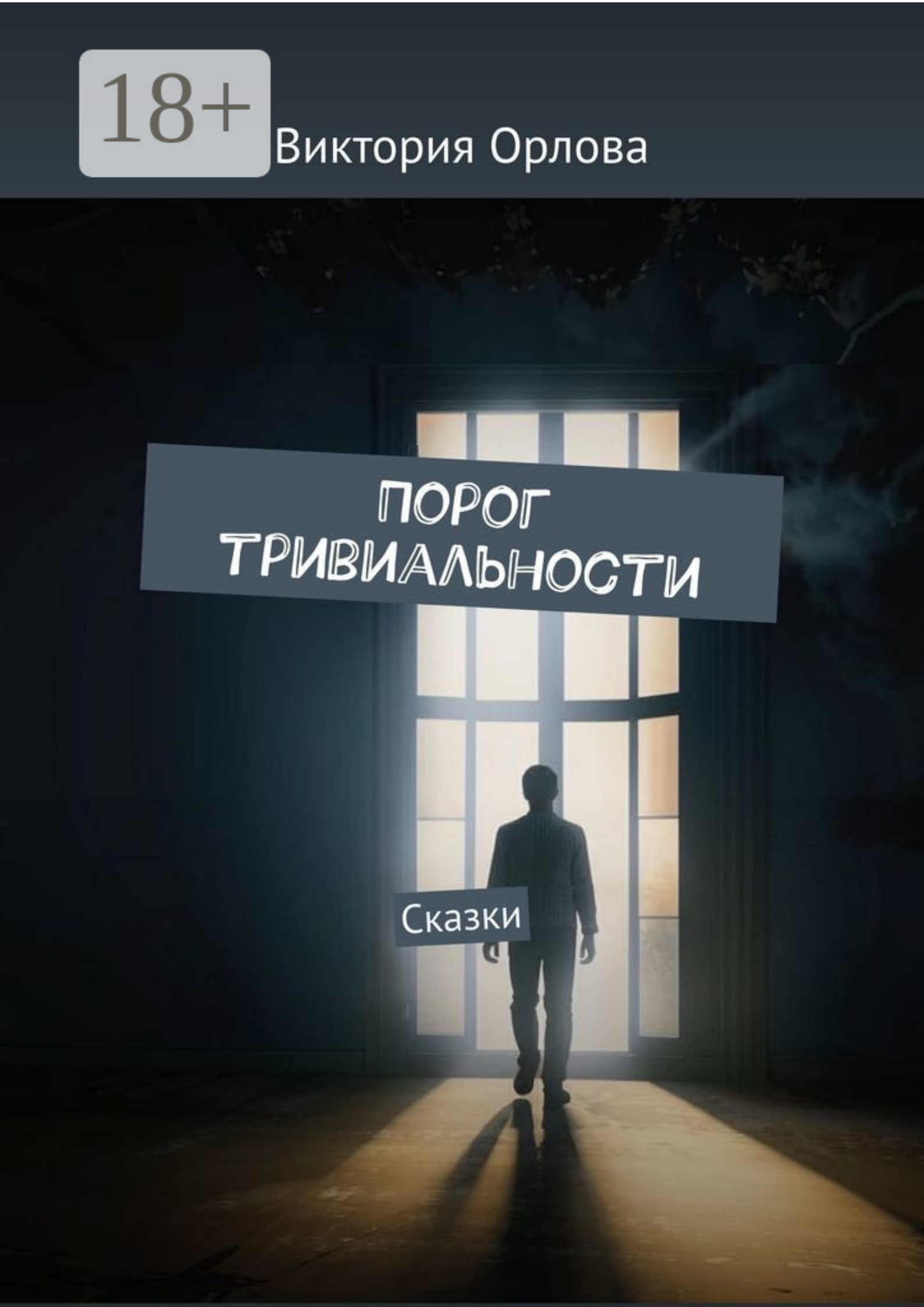

18+

Виктория Орлова

ПОРОГ ТРИВИАЛЬНОСТИ

Сказки

Виктория Орлова

Порог тривиальности. Сказки

«Издательские решения»

Орлова В.

Порог тривиальности. Сказки / В. Орлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-640421-2

В этой книге собрались разнообразные принцессы, драконы, самые обыкновенные тетеньки и дяденьки, Снежная Баба, маленький (сначала) диплодок и даже одна ухватистая Селедка. Объединяет их одно: их жизнь — сплошная сказка. Что вовсе не означает, что они совсем уж нереальны.

ISBN 978-5-00-640421-2

© Орлова В.
© Издательские решения

Содержание

Про Петрова	6
Порог тривиальности	6
Тиран-и-деспот в погоне за Солнцем	9
Чёрный Трамвай	11
Про негодяев	13
Про Художника	14
Дед Мороз и BMW	16
Про Селедку	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Порог тривиальности Сказки

Виктория Орлова

Дизайнер обложки Kandinsky Нейросеть

© Виктория Орлова, 2024

© Kandinsky Нейросеть, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-0421-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про Петрова

Порог тривиальности

«Он решительно переступил порог тривиальности», – прочел Петров и попытался вникнуть в смысл фразы. Смысл оставался темен, однако слово «тривиальность» снова подняло в душе улегшуюся было муть.

Лиза. Лиза все время упрекала Петрова именно в тривиальности – мнений, решений, свиданий, в конце концов. Всякий раз, когда он приносил ей розы, она морщилась как от зубной боли, а предложение сходить в кино неизменно встречала презрительным: «Фу, как пошло – в кино!». И в тот роковой вечер было ровно то же самое.

– Твоя беда, Петров, – говорила Лиза, в том, что ты банален. Невыносимо банален, до свинства прямо.

– Зато я надежный, – вздыхал Петров, зачем-то краснея и опуская взгляд.

– Надежный, да, – язвила Лиза. – С тобой всегда известно, что будет дальше. Я каждый твой шаг предсказать могу. Даже шутки твои дурацкие выучила. Вот давай, пошути про этот арбуз! – и Лиза яростно вонзила нож в полосатый бок. Потом схватила ручку, висевшую на холодильнике, и быстро застрочила что-то на бумажке-липучке, аккуратно прикрепленной рядом

Петров напрягся. Похлопал глазами. Почесал затылок – он не умел вот так, с ходу, шутить, да еще про то, про что шутить не собирался. Наконец, лицо его просветлело.

– Арбуз – это не только ценные полоски, – но и ... – замешкался он.

– Вот, я же говорила! – Лиза сунула ему бумажку, – Читай!

– «Арбуз – это не только ценные полоски, но и три-четыре килограмма вкусной, легкоусвояемой мякоти», – прочитал Петров. – Откуда ты...

– Петров, да ты же весь состоишь из штампов! – Лиза нервно кромсала арбуз, – Ты же скучен как... я не знаю... как здание райкома! Серый как слон. Слон и то не такой серый.

– Если я такой серый, – обиделся Петров, – зачем ты тогда замуж за меня выходила?

– А и правда, зачем? – Нож замер. Петров тоже. Он вдруг забыл, как дышать. Потому что Лиза глубоко вздохнула, положила нож на стол и тихо сказала: – Ты прав, Петров. Дура была.

И ушла. Взяла свою сумочку, кинула туда зубную щетку – и ушла! Хлопнула дверью на прощание. Петров еще несколько секунд после хлопка не дышал, боясь поверить, что это не сон. Потом все-таки поверил и кинулся следом.

На улице было людно. Лиза шла вперед, не оглядываясь. Он окликнул ее несколько раз, но она не обернулась. Летела легко навстречу людскому потоку, Петров проталкивался следом, но никак не мог догнать ее. Шлейфом за ней тянулись случайные фразы:

– Я же говорила!

– Капусточки там, картошки....

– Такая, знаешь, скуотища...

– Никогда, никогда, слышишь!

Внезапно Лиза исчезла. Петров метался туда и сюда, но ее нигде не было. Пришлось вернуться домой.

У двери сидела кошка – тощая, ободранная. Петров открыл дверь, кошка метнулась в квартиру и юркнула под кровать. Выгонять ее оттуда Петров поленился.

На столе погибал искалеченный арбуз. Петров уселся на табуретку и стал сосредоточенно есть.

На следующий день Лиза не вернулась. И еще через день. И потом. Петров взял отпуск, забил холодильник продуктами и пивом и перестал выходить из дома. Спал подолгу, нехотя вставал, умывался. Выпивал бутылку пива вместо завтрака. Кормил кошку сырыми пельменями, бросая их под диван, откуда она отказывалась выходить, пока он бодрствовал. Снова ложился спать. Ему все время снилась Лиза.

Иногда Петров не мог заснуть, и тогда он заходил в Интернет и блуждал по случайным сайтам. Раньше он никогда так не делал и все ворчал на Лизу, когда она бездарно тратила время в сети. А теперь сам... И тут эта дурацкая фраза. Порог тривиальности, туды его в качель! Знать бы, где он, этот порог. Петров бы его не просто перешагнул, перепрыгнул бы прямо вот отсюда, через окно. Только бы она вернулась.

Вдруг с улицы раздался жуткий вой. Петров выглянул в окно. Перед ним стояла высокая девица в зеленом плаще.

– Ты чего воешь? – спросил Петров.

– Помрешь ты скоро, Петров, – всхлипывая, прошептала девица.

– Это с чего ж ты взяла? – удивился Петров.

– Знаю – и все, – девица снова завывала

– Да ты кто такая? – возмутился Петров.

– Сам не видишь? Баныши я, – девица вспрыгнула на подоконник.

– Кто? – обалдел Петров и плюхнулся на стул перед монитором.

– Тьфу, – обиделась гостья, – ты что, про баныши не знаешь? В Википедии посмотри! – и, удобно расположившись на подоконнике, она испустила особенно трагичный вопль. С удовольствием сама себя послушала и повторила, чтобы закрепить результат.

Петров послушно зашел в сеть, нашел нужную страничку и прочел: «Баныши – дух, предрекающий смерть...».

Дальше он читать не стал – ему стало страшно. «Может, мне это снится? – мелькнула в голове спасительная мысль. Он больно ущипнул себя. Вой продолжался. «Надо лечь в кровать, – решил Петров. – Заснуть во сне, проснуться по-человечески, и все кончится». Стараясь не поворачиваться в сторону баныши, он стал осторожно продвигаться к кровати. Дошел. Лег. Укрылся. Сквозь вой отчетливо слышалось шипение – под кроватью почуяла нечисть кошка. Но и теперь Петров отчаянно отказывался верить в происходящее. Он закрыл глаза и попытался натянуть одеяло на уши. Но одеяло вырвалось и закружилось по комнате.

– Одеяло убежало! – расхохоталась баныши. Хохот ее звучал еще страшнее, чем плач. – Что там дальше у классика? «Улетела простыня»? Улетела! – скомандовала ведьма. Простыня выползла из-под Петрова, не смеяшего шелохнуться, и пустилась в пляс вместе с одеялом. – И подушка! Как лягушка! Ускакала! – Подушка сбросила с себя голову несчастного Петрова и скакнула под потолок.

Петров зажмурился изо всех сил. «Все, – понял он. – Конец. Впрочем, Лизу я все равно больше никогда не увижу. Ну и жить мне тогда незачем,» – и вдруг перестал бояться.

Внезапно все стихло.

– Вставай, Петров! – голос баныши стал подозрительно тихим и ласковым. – Пошутила я. Мимо просто проходила, а тут ты, печальный такой. Думала развеселить тебя немножко. Не полагается, конечно, но иногда можно. – Баныши вздохнула. – Вставай. Утро уже. А пивом завтракать не перестанешь – и вправду загнешься, печень-то у тебя слабая.

Петров ей не поверил. Он упорно продолжал лежать с закрытыми глазами и готовиться к смерти. Послышались шаги, и к мокрому от пота лбу Петрова прикоснулись прохладные пальцы.

– Ты меня поражаешь, Петров, – голосом Лизы сказала баньши. – Впервые в жизни, между прочим. Похудел вон как, в доме бардак... Кошку зачем-то завел.... Петров, зачем ты завел кошку?

Петров открыл глаза. И увидел Лизу.

– Я скучала, Петров, – просто сказала она.

– Я скоро умру, – ответил Петров. – Я баньши видел.

– А Ленина ты случайно не видел? – фыркнула Лиза, поглаживая мурчащую кошку. – Ни фига ты не умрешь. Я арбуз притащила и пельмени сварила. Пойдем завтракать.

Тиран-и-деспот в погоне за Солнцем

Петров шел по торговому центру. Шел, можно сказать, ни на что не рассчитывая – подарок хотел дочке купить. У них с Лизой дочка два года как родилась – арбузы любит и пельмени. И машинки еще. Почему-то. Суровая такая девица получилась. Нетривиальная.

Надо было в киоске купить. Но Петров решил, что в приличном торговом центре и машинки попроще. Лиза не велела всякую китайскую дрянь в дом таскать – вот он и потащился.

Был день, и народу было немного. Петрова это радовало, толпы он не любил. А тут шел спокойно мимо витрин, и никто не толкал его, не задевал шуршащими пакетами – он и расслабился.

Так расслабился, что чуть не упал, когда на него налетела длинноногая блондинка. Еле удержался. Блондинка тонкими сильными руками вцепилась в лацканы его пиджачка и застонала так, что Петров медленно осел на скамеечку, так кстати оказавшуюся рядом.

Блондинка качнулась на каблучищах и плюхнулась рядом, продолжая стонать и трясти Петрова за лацканы.

– Спасите, спасите меня! Он тиран и деспот, тиран-и-деспот, вы не представляете себе, какое он чудовище!

– Почему вы думаете, что я в состоянии вас спасти? – вибрируя голосом от тряски, спросил Петров.

Блондинка перестала его трясти, замерла, глаза ее округлились.

– А кто еще? Никого же нету больше!

Петров осмотрелся – действительно, ни одного самого завалящего мужика на всем обозримом пространстве. Попал, подумал Петров и вздохнул.

– Что делать-то надо? – спросил он у блондинки.

– Ну я не знаю, он за мной гонится, я боюсь. Что в таких случаях делают настоящие мужчины?

– Морду ему, что ли, набить? – предположил Петров.

– Ну зачем сразу так грубо? – обиделась блондинка.

– А чего тогда?

– Да я-то откуда знаю?

– А может, он и не гонится вовсе за вами? – с надеждой спросил Петров. – Мне вообще-то еще дочери машину покупать...

– Машину? – Глаза блондинки стали еще круглее. Она вдруг резко сменила тон и замурлыкала – у Петрова кошка так мурлыкала, когда жрать просила. Правда, кошка еще об ногу трется, мелькнуло в голове у Петрова. И тут он с ужасом почувствовал, как блондинка следует кошачьему примеру: она положила руку на петровское колено и нависла над ним всем своим третьим размером. – А какую машину?

– Бентли, – брякнул Петров первую пришедшую в голову марку и почувствовал, как рука блондинки ползет по его ноге. Он аккуратно, двумя пальцами отодвинул эту руку, потом отодвинулся от блондинки и сиплым голосом добавил: – У меня жена.

– Жена не стена, – промурлыкала блондинка и придвинулась снова.

– Вас же... спасать, вроде как, надо было? – снова отодвинулся Петров.

– А ты меня уже спас, пуска! – Блондинка обвила Петрова руками, на всякий случай – чтоб наверняка – положила ногу ему на коленку и стала приближаться ко рту Петрова огромными сверкающими губами, попутно окутывая его сладкими крепкими духами, которые начисто отрезали кислороду путь в легкие несчастного.

– Мама! – пискнул Петров, погружаясь в пучину отчаяния.

И немедленно был вырван из этой пучины божественной дланью.

Длань держала его за воротник, слегка приподняв над лавочкой.

– Это чо? – услышал Петров волнующий бас. – Солнце, это чо ваще?

Петров попробовал дернуться, но длань встряхнула его, и он понял – не нужно.

– Поставь его на место, тиран! Поставь и не трогай! Между нами все кончено, деспот несчастный! – завопила блондинка

– Чой-то кончено, Солнце? – пробасил державший Петрова.

– Все кончено! Ты мне даже колечка паршивого купить не хочешь, а он Бентли мне купит! Знает меня две минуты – и уже обещал!

– Чо ты ей обещал? – Петрова встряхнуло, развернуло, и он узрел двухметрового морда-того дядьку в пронзительно-синем костюме. Ботинки у дядьки тоже были синие и сверкали. Петров понял: врут про смерть, что она старушка в белом. Она – мужик в синем. Без всякой там косы. Во всяком случае, его, Петрова, персональная смерть. – Чо обещал, спрашиваю? Бентли?

– Я дочке, – пискнул Петров. Синий повернулся к блондинке:

– Видишь, он дочке.

– Сначала дочке, потом мне! – топнула каблучищем блондинка.

– Не, я только дочке, – упорствовал Петров.

– А мне? – возмутилась блондинка.

– А ей? – снова встряхнул Петрова Синий.

– А денег нету, – Петров еле удержался, чтобы не показать язык.

– Нееету? – разочарованно протянула блондинка.

– Нету! – отрезал Петров.

– Солнце, – вдруг заныл Синий. – Ну, на кой он тебе, у него же денег нету!

– Ты тиран и деспот! – вдруг завопила блондинка – Ты меня обманул! Я тебе поверила! Я все для тебя бросила! А ты? Ты мне даже колечка паршивого купить не хочешь!

Блондинка развернулась на каблуках и рванула вглубь ТЦ. Синий отшвырнул Петрова и рванул за блондинкой.

– Солнце, а я чо? Я ж ничо, давай купим! Ну чо там, колечко, не Бентли ж!

– Тиран, тиран-и-деспот! – стенания блондинки становились все тише и, наконец, смолкли.

Парочка повернула за угол и исчезла из поля зрения Петрова. Петров встал, отряхнулся, с удовольствием подумал про Лизу и пельмени и двинулся покупать конструктор. Машинку ему покупать почему-то расхотелось.

Чорный Трамвай

Петрову снился сон. Во сне он стоял на остановке и никак не мог отделаться от ощущения, что является героем пионерлагерной страшилки: вокруг беззвучно качался чорный-чорный лес, едва различимый в чорной беззвездной ночи. Петров стоял и отчаянно надеялся, что его все-таки заберет отсюда какой-нибудь великодушный трамвай для придурков, вовремя не уехавших домой. Невольно вспоминалась песня Окуджавы про последний троллейбус, и Петров даже предпочел бы этот самый троллейбус, но остановка была трамвайная: кольцо, глухой район – и глухая же полночь.

Вообще, Петров любил трамваи. Любил их веселый трезвон, каждый день провожавший его из дома в школу, потом в институт, потом на работу – а восемь лет назад в роддом, за Лизой и красноморденьким орущим червяком, с годами превратившимся в красавицу дочку. Но звонок, который он слышал сейчас, был совсем другой – не веселая трель, а электрический вой, что неизвестно с чего раздается в покинутой всеми школе и ПРЕДВЕЩАЕТ... Думать о том, что он предвещает, Петров не рискнул, решил думать, что слышит обычный трамвайный звонок, и обрадовался.

Трамвай вылетел из темноты и ослепил Петрова фарами. Петров зажмурился на мгновение, а когда открыл глаза, перед ним беззвучно разъехалась стеклянная дверь. Стеклянная дверь, в трамвае? Петров удивился и обозрел трамвай целиком. Страх иголками пробежал по озябшему телу: трамвай был ЧОРНЫЙ. Он сливался с ночным лесом, и только в салоне колыхался зеленоватый медузий свет.

– Сам зайдешь или помочь? – услышал Петров холодный сип. Он поднял глаза и увидел ВОДИЛУ. Водила был тощ, жилист, глазаст как филин и более всего напоминал Уиллема Дефо в роли вампира.

– Ну так чо? – снова спросил Водила и осклабился.

Петров повернулся к нему спиной и побежал.

Он бежал, не разбирая дороги, а за ним мчался бесшумно Чорный Трамвай, и Водила за рулем плотоядно шурился.

Вдруг – как это случается во сне – трамвай оказался поперек дороги, и Петров с разбегу влетел в распахнутую дверь. Та быстро, но плавно закрылась, и трамвай помчался во тьму. Петрова трясло – то ли от страха, то ли рессоры у трамвая были совсем фиговые. Водила высунулся из кабины, подмигнул Петрову и ласково просипел: «Дура, для твоей же пользы!»...

– Коль, ты что? – Лиза трясла его за плечо. – Лялька вон проснулась, орать перестань!

– Чорный трамвай! – простонал Петров и откинулся на подушки.

– Фу, дурак, – обиделась жена. – Иди водички попей.

Петров послушно встал, пил воду на кухне, стуча зубами о стакан. Потом почувствовал дрожание в коленях и опустился на табуретку. За окном – глаз выколи. Петрову снова стало страшно. Но тут на колени ему вспрыгнула Муська, заурчала – и он, внезапно успокоившись, взял ее на руки и, почесывая за ушком, двинулся к кровати. Муська удобно устроилась у него на груди. Последнее, что помнил Петров – ее светящиеся в темноте глаза и урчание, сквозь которое он отчетливо различил: «Для твоей же пользы, дура!» Петров не вынес и потерял сознание.

Очнулся он на совещании в родимой конторе. Шеф Семеныч, привычно вытирая лысину платком, что-то бурчал – Петров привык его бурчания не замечать.

Присутствовать на совещаниях ему полагалось по должности. Но присутствовал он всегда «для галочки»: отродясь его никто ни о чем не спрашивал. А сегодня, как назло, шеф оста-

новил взгляд на нем, на Петрове – такое случилось впервые. Петров моментально покрылся холодным потом и судорожно ощупал себя. Нет, все было в порядке – пиджак, рубашка, штаны, даже галстук завязан, а за прическу Петров не беспокоился – у лысины свои плюсы. Уста начальства отверзлись, и над Петровым вдарили грома небесные. Впрочем, это Петрову с перепугу, конечно, показалось. Семеныч, добрая душа, всего-то и спросил:

– А вы, Петров, что по поводу этого проекта думаете?

– Я? – удивился Петров, и, не успев подумать, брякнул: – Черный. Черный, стеклянный, бесшумный, и мерцающий свет внутри.

Воцарилась тишина.

– А вообще, оригинально! – всплыл над толпой голос Татьяны Палны, руководителя дизайнерского отдела. – Черный трамвай – это еще никто не делал! Это, я вам скажу, мысль! Николай Константиныч, а переходите к нам в отдел? У вас мышление такое... креативное.

Петров неопределенно ухмыльнулся. А остальные вдруг загалдели, замахали руками, кто-то даже гикнул от возбуждения.

Через год Чорный трамвай представили публике. Завод получил госзаказ на сумасшедшую сумму, Шефа перевели в Москву, Татьяну Палну забрали в Сколково, а Петров, как инициатор, получил премию неприличного размера и неотгулянный отпуск за три года. На премию они с Лизой купили машину и путевку в Хорватию на целый месяц – показать Лялке море. Петров, правда, волновался, что начальство его непустит. Но возражать начальству он еще как-нибудь смог бы. Возражать Лизе было смертельно опасно. Семеныч, действительно, отговаривал – презентация проекта, мол, а инициатора нету, нехорошо будет... Настаивал, в общем, на том, чтобы отпуск перенести. Петров возражал, и Семеныч отступился. Хороший мужик оказался.

Наступила осень. Отпуск кончился. Утром в понедельник лощенный Петров вышел из дому, дошел до стоянки, открыл было дверцу новенького «опеля», но, повинуясь нелепому импульсу, закрыл ее и пошел на трамвайную остановку. С удивлением отметил, что народу – никого. Петров опасливо заозирался – и тут из-за поворота вылетел Он. Чорный трамвай. Петров кожей почувствовал, как вокруг сгустилась мгла и закачался чорный беззвучный лес. Проваливаясь в обморок, он вдруг увидел Свет – и услышал знакомое сипение:

– Да что ж ты все трясешься? Сказано ж тебе, для твоей же пользы! А ну кончай дурака валять!

Петров прекратил валять дурака, вошел в Трамвай и поехал в контору.

Про негодяев

Жил-был на свете дяденька. Хороший был такой дяденька, добрый. Бабушек через дорогу переводил, руки тетенькам при выходе из общественного транспорта подавал. В общем, хороший. Да вот беда – вокруг нашего хорошего дяденьки одни негодяи обитали. Просто ни одного порядочного человека! Ну сами судите: продавец в магазине говядины недовесил – кто? Негодяй. Водила автобуса дверь перед носом закрыл – опять негодяй. А уж начальник, когда зарплату задерживает, негодяй – дальше некуда.

И решил наш дяденька от негодяев этих в лес уйти. Кое-как построил там себе шалашик, лапничком еловым покрыл, внутрь залез, лежит, свободой от негодяев наслаждается. Вдруг слышит – шаги. Вышел, а на полянке у шалашика стоит второй дяденька.

Первый его спрашивает: ты кто такой? А тот отвечает: я, мол, жертва негодяев. Кругом, говорит, негодяи. И жена вдобавок у меня негодяйка. Не могу больше. Вот, в лес от них ушел.

Тут первый к нему на шею кинулся. Ты, плачет, как никто меня понимаешь! Ты мне как родной теперь! Входи же в мой шалаш, будь в нем как дома. А для начала хвороста, что ли принеси. У тебя, кстати, спички есть?

Стали жить вдвоем.

И в одно прекрасное утро опять раздались на их полянке шаги. Выскочили они из шалашика, а там – тетенька. Красивая! Но грустная. Они спрашивают: Что это вы, мадам, тут, в темном лесу, одна, такая красивая и грустная, делаете? А она им: все кругом негодяи, муж негодяй и дети у нас негодяйские. Ну, дальше ей даже объяснять не пришлось, они моментально ей рядом отдельный шалашик соорудили.

Живут. День живут, другой живут, а на третий день вечером первый дяденька второму говорит: А, пожалуй, женюсь я на нашей тетеньке. Буду ее от негодяев защищать! А второй ему: а чегой-то ты женишься? Может, я сам на ней жениться хочу! Я на два сантиметра тебя выше и в плечах шире, я ее гораздо лучше от негодяев защитить сумею!

Первый тут как вскочит, как заорет: ах ты, негодяй! У тебя жена, дети, пусть и негодяйские, а ты нашей драгоценной тетеньке мозги пудрить собираешься? А второй тоже вскочил и тоже орет: Да ты сам негодяй! Что ты можешь ей дать? Половину вот этого шалаша? А первый опять: Почему же половину? Шалаш мой, я тебя выселю, все ей отдам!

Тут второй дяденька как зарычит – и на первого с кулаками.

На вопли прибежала тетенька – во флисовой пижаме (холодно в лесу-то, сентябрь). Прекратите, кричит, немедленно! Что тут у вас стряслось? Тут они драку прекратили и на колени перед ней бухнулись. И бубнят: так, мол, и так, хотим оба на тебе жениться, выясняем, кто более достойный.

Тут тетенька тоже заорала: «Негодяи! Оба! А меня вы спросили? Выясняют они тут! Ну и выясняйте, а я пошла обратно к негодяйской своей семье, потому как все вы, мужики, сволочи, и надо вам одного!»

И, как была, в пижаме, потопала обратно в город.

Ну и дяденьки тоже, попыхтели-попыхтели еще друг на друга (но уже вяло как-то), потом решили, что тетенька сама негодяйка изрядная, и разошлись.

Потому что какой смысл жертвовать благами цивилизации, если кругом один фиг сплошные негодяи.

Про Художника

В одной деревне жил-был Художник. Самый настоящий. Только неизвестный. Потому что он в глухой деревне жил, куда из города автобус раз в сутки ходил. И то, когда дорога сухая. Но Художнику это было до лампочки – он свою деревню любил и считал, что краше родных мест ничего на свете нету. А в город ездил только в Академии учиться и за бумагой с красками.

Однажды зимой пошел снег – сильный-сильный! И всю деревню занес, особенно дорогу – ни въехать, ни выехать. А у Художника как раз закончилась бумага. Но художники – они ж не могут, чтоб не рисовать.

Пошел наш Художник на улицу. Еле через калитку пробился. Видит – все заборы снегом замело, а один высокий, бетонный, стоит почищенный. Рисуи – не хочу. А Художник как раз хотел. Вытащил он краски и кисточки и давай забор расписывать под Хохлому.

И тут из-за забора вылетает дядька, да как залает: «Кыш отседова! Ишь, моду взяли, на заборе писать!»

Художник попробовал ему объяснить, что у него бумага закончилась, только дядька не слушает и свое лает: «В прошлый раз один такой вот нацарапал слово неприличное – еле отскреб, а этот вона че – весь забор мне щас изуродует!»

Хотел Художник обидеться – он ведь вовсе даже прилично расписывать умел, ему в Академии вообще говорили, что он талантище! Но дядька так лаял, что Художник быстренько (но красиво!) набросал на заборе: «Осторожно, злой хозяин!» – и ушел в поля. Ну, раз его никто не понимает.

А в полях – снега! Белые-белые, ровные-ровные! Лучше всякой бумаги! Только кисточкой на такой бумаге не порисуешь. А рисовать хочется...

Постоял Художник минутку, подумал, а потом в дом кинулся и с лопатой вернулся. И давай лопатой по снегам рисовать.

Такая красота получилась! Жалко, показать некому – с земли не видно...

Тут стемнело, и пошел Художник домой.

А утром проснулся – за окном шум, гам: журналисты понаехали. Говорят, космонавты из космоса поля около деревни засняли, а там картины чудесные – не иначе инопланетяне, на Землю посланные, своим в космосе сигналият.

Народ собрался, стоит посреди деревни, руками машет, инопланетянина вычисляет. А громче всех дядька с бетонным забором орет: знаю я, говорит, этого инопланетянина – и в Художника пальцем тычет. Но тут бабушка Глафира как гаркнет: «А ну-ка цыц! Я в этой деревне всю жизнь живу, и Художника с детства знаю, когда он еще просто Васькой был! Никакой он не инопланетянин!»

Тут Художник вышел и все объяснил – и про поля, и про снега, и про рисование лопатой. Журналисты сначала расстроились – что никаких инопланетян нет, а потом обрадовались – новое дарование открыли! – и давай у Художника про творческий путь спрашивать. А Художник им – да какой там творческий путь – вы дорогу нашу видели? По ней же ни пройти, ни проехать! Вот, сижу на месте, рисую потихоньку. Журналисты сказали: «Ага!» – и уехали. Улетели, то есть. На вертолете.

А вместо них по весне приехали экскаваторы и дорогу починили – чтоб Художнику за бумагой легче ездить было.

Скажете, так не бывает? В сказках, товарищи, еще и не такое бывает!

А дядька с забором, между прочим, на следующее утро к Художнику сам пришел. Я, говорит, искусство сильно уважаю, и поэтому вот тебе мое соизволение, рисуи на моем заборе сколько хочешь. Обрадовался Художник и забор дядьке так расписал, что дядька лаять перестал и добрый-добрый сделался. А потом народ и остальные заборы от снега очистил, и Худож-

ник их тоже расписал. Особенно красивый забор у бабушки Глафиры получился – синий как небо, и белые птицы по нему летают.

И стала деревня не деревня, а музей – и летом, как дорогу починили, хлынул из города народ на заборы любоваться. Об одном только жалели – что снега растаяли, и лопатных картин нет больше. Но тоже беда невелика – космонавтские снимки в интернете лежат, кому посмотреть охота – всегда пожалуйста!

Дед Мороз и BMW

Зашел я вчера к дяде Васе. Мечту свою обсудить. Мечтал я BMW купить, черную обязательно. Дядя Вася – он автомеханик классный, решил у него проконсультироваться, стоит ее брать или другую какую марку выбрать. Сидим, беседуем, выпиваем, само собой, а за окном дождик капает. И плавно разговор у нас переходит на погоду. Потому что сегодня дождик, а позавчера мороз минус двадцать был. Без снега, между прочим. Снега у нас с прошлой зимы не было. А неделю назад плюс пятнадцать на улице бахнуло. Несмотря что декабрь. Бардак какой-то. Прямо не пойми что с погодой творится.

Тут на кухню Маринка зашла, жена дяди Васина. И дядя Вася возьми ее да и спроси: как вот, мол, ты, Мариша, думаешь, отчего это с погодой такие странности? А Маринка эта, змея, так посмотрела на меня злобно и говорит: пить надо меньше! Чаю себе налила и ушла, даже с нами не посидела для приличия. Тут я понял, что валить надо, а то мало ли, с нее станется, еще скандалить начнет. Мне-то плевать, я домой всегда уйти успею, а дядю Васю жалко, ему с ней жить.

В общем, пошел я домой и спать упал. И вдруг среди ночи проснулся от того, что на меня вода холодная льется. Ледяная прямо. Ну, думаю, Мишка, сосед верхний, забыл по пьяни кран закрутить, заливает. А просыпаться не хочется... Стал одеяло нащупывать – и натыкаюсь вдруг на ладонь ледяную. Открываю глаза – батюшки! Стоит у кровати девица, стройная, как деревце, коса до пояса, в белой шубке, в шапочке, и лицо белое-белое. Наклонилась надо мной, за плечо меня трясет, а сама плачет. Слезинки прямо на меня капаят – холодные, ледяные просто!

Ну, все, думаю, допился, здравствуй, белая горячка. Только, думаю, что ж ты такая холодная? Ты ж горячка, должна быть горячая! А раз ты холодная, значит, не горячка. А тогда кто? – и аж пот холодный у меня на лбу выступил: белая, с косой, тут без вариантов. Эх, думаю, рано ты, смертушка моя, пришла, я только пожить собрался, Клавке под Новый год предложение сделать решил, а тут ты. Ну, надежда все-таки последней умирает. Ты кто, интересуюсь.

А она всхлипывает и жалостным таким голоском отвечает:

– Снегурочка я, Коля.

У меня прям отлегло. Сел на кровати, спрашиваю:

– Чего пришла-то?

А она мне и говорит:

– Ты, Коля, избранный.

Я аж обалдел. С ума, спрашиваю, сошла? Какой я тебе избранный? Главное, кем? А она вздыхает и опять: избранный, Коля, избранный. Лично мною избранный. А что, говорю, другой кандидатуры не было? А больше, отвечает, некому – Илья Муромец на пенсии, Брюс Виллис в деменции, а Козловский такой гонорар запросил, что кроме тебя отдуваться некому. Я ей: а может, дядя Вася подойдет? А она мне: так ты ж знаешь, у него Маринка, она не пустит. А если он без спросу уйдет, она его потом со свету сживет. Одно дело погибнуть, спасая мир, а другое – от жениной сковородки, разницу чувствуешь? Да и не поможет дядя Вася, нет у него силы такой. А у тебя есть.

Ага, думаю, значит, все-таки смерть. То есть, говорю, ты меня пришла уговаривать жизнь отдать за счастье человечества? А как же личное мое счастье? Клава как? Да кто ж, отвечает, на жизнь твою покушается? Всего-то и надо – Дедушке Морозу немножко помочь. Да ладно, говорю, хорош мне тут заливать! Дед Мороз, он же волшебник! Неужто сам не справится? Гляжу, у Снегурки из глаз слезы ручьем, аж сталактиты от них на полу намерзают. Или сталагмиты. Ну, сосульки такие, если кто не знает, только снизу вверх которые. Плохо, говорит, Коля, с дедушкой. Совсем плохо. В запое он. Потому и с погодой такая ерунда.

И рассказывает мне вот какую историю. Как Аэрофлот рейс из Зимбабвы открыл, притащилась к нам из Африки БМВ, Блэк Мэджик Вумэн то есть, Черная Волшебная Женщина. По-простому, Баба Жара. То ли скучно ей там стало, то ли королевство маловато показалось, никто не знает. Притащилась, в общем, и поселилась на торфяниках. Пока лето было, вроде она тихая была. А зима настала – кинулась к Деду Морозу: холодно, мол, помираю совсем. Дед поглядел – мерзнет женщина, сжалился, не стал сильные морозы включать. А та дальше жмет – снегу, мол, много. Дед и снегу поменьше сыпать стал. А Жара не унимается – давай, говорит, лето пораньше. Ладно, в тот год весну в середине февраля запустили. Лето жаркое устроили, торфяники загорелись. Дед кашлял, кашлял, потел, но терпел – надо, мол, заморскую гостью уважить. А как осени черед пришел, она опять за свое – давай, говорит, дедушка, вовсе зиму отменим. Ну, тут, конечно, Дед Мороз осерчал. Не нравятся, говорит, наши порядки – никто тебя не держит, вертайся в свою Африку, там тебе самое место и градус подходящий. А Баба Жара, коварная, обратно-то возвращаться не хочет – уж больно ей места наши нравятся – простор, пигмеи не бегают, от носорогов уворачиваться не надо и воды сколько хочешь! И вот она что удумала. Пришла к Дедушке, вроде попрощаться, и бутылочку с собой принесла – отведай, говорит, нашего, африканского самогону, улетаю, мол, так чтобы помнил меня. Дед, простая душа, на стол капусточку, снежки соленые, ну, все, что положено – проводить с честью.

– Тут и понеслось, – всхлипнула Снегурка, – Как сели они, так он до сих пор и пьет. Сначала, вроде, еще держался – старик-то он крепкий – за погодой следить успевал. А теперь вовсе спился. Ничего ему не надо. Проснется, бороду из капусточки поднимет, а эта ведьма черная ему опять самогону своего заморского подливает. Он жажнет – и снова в капусточку. А она тем временем погодой рулит. Так рулит, что скоро у нас тут бананы вырастут. Торфяники уже и зимой дымятся. Бывает, Жара отлучится куда, дед очнется, поглядит вокруг, ужаснется, махнет рукавом – сразу морозы и снег. Но он же не в себе, поэтому снежище – девятиэтажки заваливает, морозище – деревья ломаются. А Жара как вернется – тут же ему – рраз! – стопочку – и все по новой.

– Ой, Коля, – тут Снегурка прямо завывала – не знаю, что будет, если ты не выручишь.

– Да почему я-то? – снова спрашиваю.

– Да потому что, – говорит, – все в голос твердят, что ты средство волшебное имеешь и потому никогда не пьянеешь! Вот Деду бы твоё лекарство, а? А то, Коля, я прямо боюсь, что скоро мы все тут вымрем, одни тараканы останутся – они, сам знаешь, вечные, их никакой дуст не берет, а уж погода им тем более до лампочки. А не поможешь – прямо тут растаю, чтоб не мучиться.

Верно, есть у меня средство – от него я после любой пьянки всегда своим ходом до дому дохожу и похмелья не знаю. Все мужики мне завидуют, интересуются, что за секрет у меня такой, да только я его никому не выдаю. Боюсь, силу теряет.

Но тут дело такое, и правда надо помочь – что ж я, зверь какой? Пришлось вставать, собираться. Сначала думал налысо побриться, чтоб как Брюс Виллис. Но Снегурка сказала, что это необязательно. Потом решил хотя бы щетину сбрить. Но что-то мне лень стало, да и некогда же. Расчесал кудри пятерней, оделся потеплее – и пошли мы в гости к Деду Морозу.

Шли недолго, да и не шли, в общем-то. Снегурка рукавицей махнула – и очутились мы у порога Морозова терема. Заглядываем в окошко – а там... дым коромыслом: Мороз сидит, качается, тулуп распахнут, шапка набок съехала, борода во все стороны топорщится, морда вся в капусте, нос красный ярче лампочки Ильича светится. А напротив сидит она – Блэк Мэджик Вумэн, натуральная Баба Жара – черная вся, в перьях разноцветных, грудь... моя Клавка с ее четвертым размером по сравнению с ней – Кейт Мосс мосластая. В общем, стрррашная – глаз не оторвать! Тряхнет она плечами, глазами поведет, улыбнется слегка – Мороз аж тает. Прямо на глазах тает – течет с него так, что весь тулуп мокрый, кожа да кости от старика остались.

Стою, смотрю на нее во все глаза, шевельнуться не могу. Вдруг кто-то мне по шее как треснет! Я хрясь в стекло лбом! Звон пошел!

На звон Баба Жара выскочила. Зыркнула на меня, ухмыльнулась, за шиворот – и в хату. К стенке меня прижала, жаром пышет, я аж вспотел – и спрашивает: ты кто, мол? Чего приперся? Я ей, само собой, начинаю заливать, что, дескать, сам не знаю, ехали с товарищем через лес из рейса, махнул стопочку, как он меня за рулем сменил, а дальше не помню. Очнулся здесь, под окном. Оглядела она меня еще раз и говорит: ладно, пойдешь со мной, будешь делать, что скажу. И в комнату к столу ведет. Дед меня как увидел – обрадовался: садись, говорит, земляк, гостем будешь, на троих сообразим. А Баба Жара ухмыляется, самогон свой ядовитый разливает. Давайте, говорит, мужики, за мое здоровье. Дед, не глядя, стопку опрокинул – и в капусточку. Жара сидит, на меня глядит. Ну, говорит, пей. А мне чего-то так страшно делалось – чувствую, последняя это стопка. Но отступить-то некуда. Перекрестился я мысленно и жажнул.

И стало мне жарко-жарко, весело-весело. Сижу, улыбаюсь, гляжу на БМВ и кажется мне – нет на свете ее прекрасней. Чувствую, надо бы встать, обнять ее покрепче, да поцеловать в уста фиолетовые. А сил нету. И тут опять окно зазвенело. Жара зырк туда, а я волю в кулак собрал и говорю: не иначе, напарник меня по следам нашел. Она посмотрела на меня подозрительно так. Ладно, говорит, будете тут на троих соображать, а то я задолбалась с вашим старым валенком время тратить. Дел, говорит, по горло, территорий неосвоенных – шестая часть суши, а я тут с ним прохлаждаюсь. Сиди, говорит, ровно, никуда не выходи, а то жарю. И так оскалилась, что я ей безоговорочно поверил.

Выскочила Баба Жара из терема, а я сижу как приколоченный. Помню, главное, что есть у меня тут дело неотложное, а какое – забыл после зелья заморского. Тут Снегурка влетела да как заорет:

– Что ж ты, Коля, сидишь, доставай свое средство волшебное скорее, спасай дедушку!

Вспомнил я, зачем пришел. Напрягся из последних сил и носом в рукав свитерка своего рабочего уткнулся. Вдохнул поглубже – сразу протрезвел. Схватил деда за шиворот, из капусточки вынул – и тоже в рукав свой носом. Вскрапнул Мороз, голову поднял. Мутным взглядом терем обвел, Снегурку увидел (а может, и двух Снегурок, уж больно удивился при этом), потом меня. Снова рукавчик мой занюхал. И тут уж окончательно в разум пришел. Снегурушка, говорит, что это со мной? Снегурка зарыдала, к деду кинулась, все ему рассказала. Нахмурился Дед. А Снегурка причитает: вот-вот Жара вернется, что делать будем? Да ничего особенного, отвечает Мороз, экстрадируем в исконные места обитания, торфяники погасим и погоду налаживать возьмемся. А то скоро Новый год, а люди снега еще толком не видели.

Тут и Жара заявила. Увидала, что Мороз на своих ногах стоит, засуетилась, за бутылкой потянулась. Но Дед под лавкой уже посох свой нашел, наставил на нее и говорит: убирайся, откуда пришла, чтоб ноги твоей тут у нас не было. Хмыкнула тут Баба Жара, глазом красным сверкнула: айл, говорит, бибэк. Заклинание какое, что ли...

И исчезла, как не было ее.

В тереме сразу холодрыга образовалась, я аж затрясся весь. Дед со Снегуркой меня на радостях обнимать было кинулись, да вовремя остановились. Мы, говорят, коли тебя разок обнимем – все, можно закапывать, заледенеешь к чертовой бабушке. Да я, в общем, и не настаивал. Только попросил их, чтоб домой меня скорей вернули, а то мне на работу с утра. Не вопрос, говорят. Только ты, Коля, уж сделай милость, свитерок свой волшебный нам подари – мало ли, вдруг Жара вернется, так чтоб уж наверняка. Ну, я что ж, отдал. Жалко было, конечно: свитерок-то этот я года три на себе носил, не снимая, оттого и сила духа в нем такая волшебная образовалась. Но ради такого дела – куда деваться, надо.

Утром проснулся я в своей кровати. Свитерка заветного, верно, нет на мне. А на тумбочке у кровати коробочка стоит хрустальная, зайчики солнечные по стенкам гоняет. Открыл

я коробочку – а в ней колечко, брильянтами усыпанное. А под коробочкой – записка: мол, это Клаве подаришь, как предложение делать будешь. И подпись: Д. М. и Сн.

Значит, думаю, не приснилось. За окно глянул – там зима, как полагается, и снег идет, пушистый-пушистый. Собрался я и к Клаве пошел.

Пить, конечно, бросить придется. Без свитерка-то оно не алё. Да и Клава против.

А BMW я покупать передумал. Ну ее, эту BMW.

Про Селедку

Жила-была Селедка. Селедка и селедка. Как все. Их таких в море штук пятьсот плавало. Косяком. И выловили их тоже косяком. И в бочку запихали под засол. Там наша Селедка замуж и вышла. И даже вместе с мужем переехала в банку пресервов. А в банке рядом с ними жила одна такая... фифа... глазки свои мутные закатит и все норовит посторониться. Понятное дело, ничего у нее не выходит, но намерение прям ясно прочитывается по рыбьим ейным губам, которые она все время брезгливо поджимает. Наша Селедка из простых была, ей этот, прости господи, снобизм категорически не по душе был. И все она мечтала соседке нос утереть. Тем более что муж что-то часто налево, где эта снобиха лежала, коситься начал. Да как утрешь-то, когда и не повернуться?

Тут Новый год как раз. Смотрит наша Селедка – с востока свет. Все больше и больше света! И воздух! И вообще, благодать! Вдруг свет потускнел – и склонилось над селедками огромное Лицо. С бородищей и в колпаке. Ну, говорит, рыбки мои золотые, будем знакомы, Дед Мороз я. Пришел ваш час, исполняю желания, загадывайте скорей, а то некогда мне.

Снобиха молчит – то ли брезгует, то ли стесняется. А наша Селедка аж подскочила. Хочу, говорит, выделиться из своих, хочу чтоб я красивая, нарядная и – чтоб шуба! Откуда она про шубу знала – не могу сказать. Может, она в прошлой жизни в меховом магазине работала. Боюсь, и сама Селедка не в курсе была. Но вот вылезла эта шуба откуда ни возьмись. Дед Мороз кивает важно – будет тебе шуба. Тут Селедка спохватилась и еще загадала: был бы милый рядом. Лады, снова кивает Дед – и растворяется в воздухе.

Не успел он до конца раствориться, Селедку с мужем в пакет сунули – и вознесли на небеса. В пакете. А Снобиха так и осталась в банке лежать и губы поджимать. Кому она нужна, такая тощая!

Ровно через час почистили нашу Селедку, покровсали (вместе с мужем, разумеется, как просила) и на лучок аккуратно разложили. А сверху – картошечки, яблочка, морковочки вареной, огурчика маринованного и свеколки, свеколки побольше! Ну и майонезику, куда ж без него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.